

люди искусства

Ветер странствий

Л. ВОДОПАЗОВ

В дублинском театре «Эбби» в Ирландии переполох: — Он заказал художнику старую керосиновую лампу! Слышали, он сказал: будьте внимательны к фальши! А что это он все время произносит одно и то же слово: «правда», «правда»? — А это русское слово означает отсутствие фальши: в жизни, в политике, в искусстве...

Ставя несколько лет назад в дублинском театре в рамках международного фестиваля свой очередной «заграничный» спектакль, московский режиссер, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Баграгович Монахов уже спокойно относился к подобным разговорам. Но когда-то первая командировка во Вьетнам повергла его чуть ли не в панику.

В ту ночь он спал плохо. Перебирал в памяти разговор в Министерстве культуры. «Там богатые традиции восточной зрелищной культуры», — говорили ему. — Рассчитываем, что вы окажете помощь вьетнамским товарищам в создании современного драматического театра в Ханое».

Что он мог сказать? Не просто было ответить «да». Он работал в Малом театре. Была прекрасная пора надежд и замыслов. Все у него было «только что». Только что окончил Школу-студию МХАТа; только что поступил в Малый театр; только что стал изучать (параллельно) премудрости режиссуры у Ю. А. Завадского в ГИТИСе; только что сам начал преподавать в Театральном училище им. М. Щепкина. И вдруг — Вьетнам!..

Эта ночь была особенно длинной. Но под утро пришла простая и ясная мысль: «Ну, а для чего же тогда молодость? Силы! Знания!.. Отскакиваться?»

И он сказал «да».

Вьетнам в ту пору представлял страшное зрелище: выжженные деревни, разрушенные города. Но уже замечалась щедрая помощь братского советского народа. На полях наши комбайны, на угольных копях Хонгя наши экскаваторы, с помощью наших инженеров поднимаются разрушенные заводы, наши деятели искусства (кинорежиссер А. Ибрагимов, музыкант И. Белорусец, певец Д. Бадридзе, художники Н. Пономарев и А. Житомирский) помогают создавать новое, национальное по форме, социалистическое по содержанию вьетнамское искусство. В Большом театре Ханоя уже шла «Любовь Яровая», поставленная под руководством советского режиссера П. Васильева. Продолжить и развить это начинание предстояло молодому режиссеру, посланцу советского театра Владимиру Монахову.

— Незабываемые дни! — рассказывает сейчас Владимир Баграгович. — Энтузиазм артистов напоминал энтузиазм, царивший в первых наших рабочих театрах: ТРАМах и «Синей блузе». Готовы были работать днем и

ночью. Послушать наши занятия приходили и труппа театра Народной армии, и труппа театра «Красная река», театральные критики, писатели, художники... Однажды желающих набилось столько, что занятия пришлось проводить прямо на сцене, ибо зрителей был полный зал, как на спектакле.

Затем стали работать — сначала над «Платоном Кречетом», а потом над «Иркутской историей». Особенный успех имел хор в «Иркутской истории» — прием очень близкий и понятный вьетнамскому зрителю, так как в их традиционном театре «тео» — хор тоже является направляющей силой в развитии действия. Это был успех и талантливых вьетнамских актеров и успех советской театральной школы.

Через пять лет мелькнет в Москве, в ГИТИСе, знакомое лицо молодой симпатичной вьетнамки.

— Бак Лан! — напомним она, подавая маленькую смуглую руку. — Помните, Ханой, спектакль «Платон Кречет»?

— Ну, как же! Ты играла Бочкареву! И очень хотела носить светлый парик, так как считала, что все русские непременно блондины. Но однажды в директорше одного из ханойских магазинов увидела черты образа своей героини и согласилась играть при своих собственных волосах...

— Теперь я учусь в ГИТИСе на режиссерском факультете у М. Кнебель, — с гордостью сообщает Бак Лан. — А вот Ву Фонг — ваш тогдашний переводчик — ныне режиссер и драматург.

— Мы очень благодарны вам за все, что вы для нас сделали тогда в Ханое, — скажет Ву Фонг. — Поверьте, мы никогда не забудем той помощи, которую нам оказал и оказывает Советский Союз — и в дни войны, и в мирные дни созидания. А мы, ваши ученики, в области театра продолжаем то дело, которое началось спектаклями «Любовь Яровая», «Платон Кречет» и «Иркутская история».

И в самом деле, будучи (уже через много лет) в командировке во Вьетнаме, он увидит и новый Молодежный театр имени Хо Ши Мина, и новый театр в Хайфоне. И везде «его» артисты.

Шла новая война — уже с американскими захватчиками, а «его» артисты работали во фронтовых актерских бригадах и играли в перерывах между боями.

...За минувшие годы было много всего. Была и примечательная в его режиссерской биографии встреча с известным советским драматургом Георгием Мдивани, положившая начало их многолетнему творческому сотрудничеству. Пьесы «Украли консула» и «Твой дядя Миша» в постановке В. Монахова с успехом шли на прославленной сцене Малого театра, причем последняя идет и по сей день. А искрометный телеспектакль «День рожде-

ния Терезы» стал заметным явлением на телеэкране. И если прочерчивать интернациональную линию в творчестве В. Монахова, то уместно будет сказать, что и «Украли консула» (поставленная еще и в Берлине), и «День рождения Терезы» (посвященная кубинским событиям) — спектакли высокого интернационального гражданского звучания, отразившие сложные проблемы сегодняшней борющейся Латинской Америки, выразившие партийную позицию и драматурга, и режиссера.

Была за это время работа главным режиссером в Московском театре им. Ленинского комсомола (результатом которой остались спектакли «Беспокойная старость», «Вера, Надежда, Любовь» и «Конец Хитрова рынка»). Была не менее ответственная педагогическая деятельность в Театральном училище им. Щепкина уже в качестве руководителя курса. Были творческие командировки на Кубу (где в открытии I съезда Компартии Кубы он ставил «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского), в ГДР, Польшу, Болгарию. Словом, за двадцать лет, истекших после поездки во Вьетнам, было в биографии В. Монахова все, чем наполнена жизнь современного режиссера.

Пожалуй, только поездку в Ирландию в 1978 году он мог бы сравнить с воспоминаниями о Вьетнаме. По сложности задач, которые ему предстояло решить в известнейшем дублинском театре «Эбби» в связи с постановкой там чеховского «Дяди Вани». Он был там не просто режиссер Монахов, приглашенный постановить очередной спектакль к Дублинскому театральному фестивалю. Он был представитель советского искусства в этой стране, и сложности начались с первого же его появления в театре. Он был «под прицелом»: его осматривали, к нему приглядывались, оценивали каждый его шаг.

И вот уже первые отклики в газетах. Дает интервью театральный переводчик Питер Гринвуд: «Я являюсь звеном, связующим исполнителей с режиссером. Я встречаюсь каждое утро до репетиции с мистером Монаховым, чтобы обсудить ту сцену, которая будет сегодня работать. Таким образом, я включаюсь и настраиваюсь с постановщиком на одну волну. Это очень напряженная работа. Только подумайте, что может произойти, если я сделаю ошибку, искажу смысл замечаний режиссера: сразу начнутся разнобой и смятение в душах актеров и режиссера. Но до сих пор этого удавалось избегать. Группа установила очень хороший контакт с постановщиком»...

«Чехов, как он есть, со всеми тонкостями, — писала «Ивнинг геральд» о репетициях. — Как наш О'Кейси, так и Чехов нуждаются в постановщиках — своих соотечественниках для полного раскрытия содержания своей драматургии. Поэтому «Эбби» сделал правильно, что пригласил режиссера из Москвы. «Вишневый сад» М. Кнебель в 1968 году уже порадовал нас»...

За день до премьеры В. Монахов волновался как никогда. Всего два месяца репетиций! Такой пьесы Эскизы художницы Бронвен Кассон, конечно, превосходны, но как она осуществит их одна, без помощников?

— Да, я устану, очень устану, — признавалась она. — Но мне нужно заработать. У меня нет другого выхода.

А плотники. Неужели два плотника выполнят всю бездну столярных работ?!

— Да, мистер. Как же иначе? Иначе бы нас не держали в театре.

И вот — премьера.

«...Вызов и надежда звучат в заключительных словах спектакля», — писали газеты. «Премьерный зритель восхищен интерпретационными способностями мистера Монахова». «Представление, отшлифованное до совершенства». «Триумфальный спектакль!»...

О чем он думает, возвращаясь из очередной своей заграничной поездки к родным советским «берегам»? Может быть, о сложности и ответственности интернациональной культурной миссии советского режиссера? А может быть, сожалеем о том, что его спектакли («Оптимистическую трагедию» на Кубе, «Украли консула» в Берлине или «Дядю Ваню» в Ирландии) не увидят его соотечественники?

А может быть, уже подлетая к Москве и ловя жадными глазами ее набегающие огни, вспомнит извечное: как ни хорошо в гостях, а дома лучше.

● Заслуженный деятель искусств РСФСР В. Монахов. Фото Д. Невелева.